

Андрей Казанцев

Муки преждевременного рождения, или за что отвечает пионер? Отечественная политическая наука как подвиг

*Политическая наука в России, очевидно, состоялась как академическая и учебная дисциплина. Устойчиво функционирует научное сообщество, состоящее из около 3 тыс. кандидатов и 500 докторов политических наук. Во всех университетах читаются соответствующие курсы и выпускаются студенты, имеющие дипломы политологов. Выпускаются сотни названий монографий и учебников, выходят специализированные журналы и функционируют научные ассоциации, вроде [Российской ассоциации политических наук](#), [Российской ассоциации международных исследований](#), Евразийской сети политических исследований. Благодаря всему этому мы можем сказать: **теперь и у нас, как и всех развитых странах мира есть своя политология!***

Все это было во многом достигнуто благодаря героическим усилиям самих политологов. «Героическими» я назвал эти усилия потому, что им противостоит целый ряд неблагоприятных внутренних и внешних тенденций. Ниже я сосредоточусь, прежде всего, на факторах внешних.

В России на звание «политологов» претендуют и признаются таковыми широкой публикой целые категории людей, которые не являются представителями «политической науки» (political science) в ее международном понимании.

Прежде всего, речь идет о политических журналистах, обозревателях, писателях, идеологах и моралистах. Именно они, по сути, узурпировали ярлык «политологов» в глазах широкой публики — именно таким образом они именуют себя, выступая в масс-медиа. Основанием подобного именованья является то, что журналистское описание политических событий в определенной мере может предполагать и их анализ. В то же время, в России исторически на роль главных аналитиков общественно-политических проблем претендовали представители литературы, особенно, те из них, кто постоянно публикует свои тексты в «толстых» журналах.

С другой стороны, во всем мире понятие «политолог» достаточно эластично, чтобы включать в себя политических экспертов, т.е. людей, занимающихся анализом текущих событий и консультирующих органы власти. В то же время, в России политические эксперты, называющие себя «политологами», играют весьма своеобразную роль. Они занимаются не столько анализом политической реальности, сколько составлением прикладных проектов по ее преобразованию, особенно, по преобразованию политического сознания населения. Эти последние являются, скорее, специалистами по специфическому «пиару», включающему в себя очень серьезные элементы авантюры и провокации.

Таким образом, **академическая политология оказывается «оттерта» от населения и политических властей, т.е. от важных источников влияния и финансирования.** Ей осталась лишь радикально обнищавшая сфера высшего образования. В 1990-е годы она поддерживалась на плаву, как, в общем, и вся наша наука, на не слишком большие деньги, перепедававшие от зарубежных фондов. Целый ряд обстоятельств, включающих в себя и сознательную политику российских властей, привел к прекращению этой финансовой подпитки в условиях, когда рост государственной поддержки систем науки и высшего образования продолжал быть явно недостаточным. Единственными каналами поиска

дополнительных средств внутри России остались те самые «побочные» заработки в политжурналистике и «пиаре-политпроектировании», которые весьма существенно отклоняют нашу политологию от мировых образцов.

Эти негативные «внешние» тенденции накладываются на серьезные внутренние противоречия нашей политологии. Последние связаны, прежде всего, с тем, что у нас нет устойчивой традиции «социальных наук», куда по мировой классификации вписываются политологи. Наука часто воспринимается как разновидность гуманитарных дисциплин или исторического чисто событийного описания (что сближает ее с литературно-журналистской традицией). С другой стороны, она плохо дифференцируется от политической деятельности, включая такие ее специфические для русской интеллигенции формы, как «кухонные разговоры». Многие унаследовано и из практик подпольных революционных кружков русской интеллигенции. По сути, специфический русский «политпиар» явился перерождением деятельности «человека из подполья» Достоевского.

В то же время нашей академической политической науке пока не удастся до конца противопоставить себя всем этим негативным тенденциям. Она пока не может конкурировать с политжурналистами за влияние на массы населения и не способна разорвать симбиоз специфической политэкспертизы и власти.

Итак, мы говорим о возникновении политологии в России как о подвиге вопреки всем неблагоприятным внутренним и внешним факторам. Причем, это подвиг в классическом христианском понимании слова: нашим обществом и властями он не оценен и не оплачен.

Российская политология и стандартная political science, русский интеллигент и западный интеллигент

Западная политология возникла, во многом благодаря нескольким различиям от смежных отраслей деятельности. Одному из них мы обязаны М. Веберу, введшему понятие «ценностной нейтральности». Последняя требует, чтобы ученый отделял свой анализ политических событий от исповедуемых им ценностей. Это и дает возможность провести объективное исследование. Критерий Вебера позволяет четко отделить политологическое исследование от политического проектирования (от более классического «Как нам обустроить Россию?» до современных политтехнологических проблем «Как сделать из Васи Петю?») и политической эссеистики (в стиле вечных русских вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?»). Во всех приведенных выше случаях авторы не до конца отделяют исследование объективной реальности от того состояния мира, которое представляется им желательным.

Второе различие связано со специфическими (для многих современных философов во многом весьма наивными) представлениями о науке в США, в частности, с идеей о возможности объективного изучения социальных процессов по образцу исследований природы. В результате возникла идея «социальных наук», к кругу которых принадлежит и политология. Специфический стиль исследований, связанный с таким представлением, заключается в строго формализованных процедурах анализа большой массы эмпирического материала. Он четко отделяется от стиля гуманитарных наук, связанного, преимущественно, с менее формализованной интерпретацией текстов.

В результате делается невозможным симбиоз литературы и журналистики с политологией. От литературной критики политическая наука четко отделена описанным выше методом, а от журналистики — задачей (не просто описывать, а анализировать и обобщать).

Разумеется, реализация этих принципов не лишена внутренних противоречий. Отделить ценности от объективного анализа полностью не удалось. В результате американская политология часто воспринимается ее левыми критиками просто как очень наукообразная апология политической системы, существующей в США. С другой стороны, избавиться от проблемы интерпретации тоже не удалось. Ведь люди вкладывают в свои действия какой-то смысл, в отличие, скажем, от физических объектов. А этот смысл наблюдатель можно только интерпретировать, «объективно» он его не знает. Это стало предметом постмодернистской критики.

Тем не менее, при всей их противоречивости подобные установки позволили политологии стать специфическим видом профессиональной интеллектуальной деятельности. Сообщество политологов четко дифференцировалось от всех смежных профессиональных объединений. Тем самым, была создана академическая среда, которая пользуется достаточно серьезным экспертным влиянием на власти и население.

Со времен «Вех» анализ политической мысли в России сопровождается рассмотрением (или саморефлексией) русской интеллигенции как специфического социального слоя. Важным при этом является то обстоятельство, что интеллигенция является единственным в нашей стране социальным слоем — носителем знаний об обществе. В то же время специфика этого слоя предопределяет и особый характер его социального знания.

Интеллигенцию характеризует, прежде всего, *интегральное мировоззрение, неспециализированное знание об обществе*. Подобное знание не укладывается в четкие границы дисциплин и субдисциплин социальных наук.

Интеллигентность в России традиционно определялась не только занятием умственным трудом. Она связана со специфическим стилем жизни, особыми морально-поведенческими кодами. Весьма важно в этом контексте определение Д.С. Лихачевым интеллигентности как «мирской святости». Поэтому интегральные знания интеллигенции принимают специфическую направленность. Интеллектуальным продуктом русской интеллигенции становятся разнообразные проекты спасения России и мира, но не специализированное знание о мире политики.

Однако по мере усложнения структур общества ему требуются все более специализированные знания. Поэтому фигура старого русского интеллигента постепенно оказывается обреченной. **Появляется слой интеллектуалов, постепенно заменяющий интеллигенцию.** Его характеризует профессиональная специализация знания. Одним из продуктов работы интеллектуалов становится политическая наука как разновидность специализированного знания об обществе.

Однако специфика современной России заключается в том, что процесс профессиональной дифференциации интеллигенции и становления слоя интеллектуалов еще не завершен. *В связи с этим не завершен еще и процесс дифференциации политической науки от интегральной политической мысли.*

Очевидным путем для формирования политической науки в России из интегральной политической мысли становится постепенное изменение *структуры политического знания*. Это означает специализацию знания, его направленность на изучение конкретных проблем (а не создание рецептов спасения мира), тщательный эмпирический анализ реально существующих социально-политических институтов и ограничений на возможность их трансформации.

До какой степени российскому обществу вообще нужна политология?

Если становление отечественной политической науки «упирается» в ограничения, связанные со спецификой социальных структур, то возникает вопрос: *до какой степени нашим обществом на данном этапе его развития (или в связи с его культурно-цивилизационными особенностями) вообще востребована политология?*

Политическая наука на Западе отвоевывает себе место в кругу других дисциплин только в XX в., ближе к его середине, в условиях очень высоко дифференцированного общества. Попробуем сравнить степень дифференциации того общества, в котором возникла политология, со степенью дифференциации современного российского общества. По описанию Т. Парсонса для Запада XX в. характерна дифференциация социальной системы в широком смысле от системы межличностных отношений. В рамках социальной системы, в свою очередь, выделяются четыре сферы, каждая из которых выполняет специфическую функцию: экономика (адаптация к внешней среде), политика (целестроительство), социальная система в узком смысле (интеграция общества) и культура (воспроизведение образца).

Выделение всех этих сфер стало возможно в ходе очень длительной исторической эволюции специфической социальной организации средневекового Запада. Скажем, наличие гарантий собственности и стабильность правил игры обеспечили существование независимой от политической жизни экономики. Независимое от государства гражданское общество с его самоорганизацией обеспечило дифференциацию политики от социальной жизни.

Наконец, Западная Европа исконно отличалась дуализмом и конкуренцией мирского (представлявшегося светскими властями) и священного (представленного Католической церковью). Позднее, в период Возрождения, этот дуализм позволил сформировать культуру, независимую от религиозных принципов, и автономную от всех других сфер жизни общества. Культура (включая ее морально-этический компонент) также отделилась от политической жизни. Последняя перестала быть сферой, где напрямую реализовывались какие-то морально-религиозные ценности. Это различие было четко зафиксировано такими авторами, как Н. Макиавелли и Т. Гоббс.

Ни одна из этих структурных дифференциаций до сих пор не осуществлена до конца в России. Наличие политической власти означает и решающий контроль над собственностью, следовательно, экономика и политика не отделены друг от друга. Самоорганизации общества, независимой от государства, у нас тоже нет. Государство постоянно вынуждено решать проблему поддержания элементарного общественного порядка, а кризисы власти превращаются в апокалиптические крушения всего социального космоса. Наконец, давняя традиция «симфонии» светской и духовной власти наложила неизгладимый отпечаток и на политическую культуру. **Государство все еще продолжает восприниматься как структура, которая должна непосредственно реализовывать в обществе какие-то морально-идеологические ценности.** Даже сфера межличностных отношений не до конца отделена от политической жизни. Слишком многое у нас зависит от личности президента и от специфики взаимоотношений внутри политической элиты!

Но в таком обществе, где все неразрывно слито, не может возникнуть серьезный культурный запрос населения на отдельную политологию, экономику, социологию, культурологию и психологию. Кроме того, не функционируют и некоторые специфические закономерности этих дисциплин, характерные для

высокодифференцированных обществ Запада. Скажем, политолог, анализирующий события в России, должен учитывать много специфических экономических, социальных, культурных и психологических факторов. При отсутствии комплексных синтетических моделей развития, синтезирующих эти разнообразные факторы, политологу очень легко «скатиться» в эссеистику и журналистику. Последние как раз и позволяют легко описывать слишком сложные ситуации, где трудно провести отдельно анализ составных частей.

Еще более существенным обстоятельством оказывается **неотделенность морально-идеологических установок от политической жизни**. При помощи веберовской терминологии такое общество можно описать в качестве общества с господствующей ценностной рациональностью социального действия. Оно рационально с точки зрения используемых средств, но нерационально с точки зрения цели. Этот тип рациональности подчинен определенным требованиям, в выполнении которых человек видит свой долг. Социальное действие осознанно направлено на определенные ценности, последовательно реализуемые в поведении.

Ценностно-рационально ориентированное социальное действие связано с харизматической властью. Последняя чужда экономической логике. Она связана с сакральным «призванием» осуществляющего господство, при этом на первый план выступает эмоционально-напряженный аспект его миссии. Эта миссия связана с реализацией в обществе путем применения власти той или иной идеологической ценности. Политические лидеры как носители подобной сверхзадачи приобретают в сознании подданных квази-божественные свойства. Харизматическая власть всегда лично окрашена и олицетворяется в фигурах Царя-Генсека-Президента.

Мораль и идеология предполагают борьбу за то, что хорошо, с тем, что плохо. Таким образом, в политической жизни начинает преобладать черно-белое, дуалистическое видение мира. Харизматическая власть в этой ситуации оказывается тесно связанной с представлением о «спасении» погибающего мира. Ею предполагается также наличие разрыва между внедряемыми властями высшими ценностями и повседневными практиками общества: в противном случае для процесса реализации ценностей не нужно было бы привлекать механизмы государственного насилия. Харизматическая власть, наконец, требует очень высокой концентрации всех ресурсов в одном центре для реализации миссии «спасения» социума.

Если ключевой проблемой для поддержания стабильности общества становится внедрение определенных стандартов «добра», то последняя задача неизбежно включает в себя подавление «зла» (т.е. носителей всех альтернативных моральных стандартов и идеологий). Возникают формальные институты, преследующие «спасительные», «преобразовательные», «воспитательные» или хотя бы «охранительные» цели. Последнее предполагает наличие устойчивого разрыва между государством и обществом и постоянное насильственное «навязывание» обществу тех или иных жизненных практик, вплоть до самого низкого бытового уровня.

Подавляемые носители альтернативных моральных ценностей и практик вынуждены уйти в подполье. Они также проникаются общей дуалистической логикой. Все, что против «злой» власти — хорошо. То, что является «злом» с точки зрения власти, подавляется. Однако «зло» непрерывно воспроизводится самой структурой дуалистической картины мира. Ведь последняя предполагает неуничтожимость злого начала и наличие реального субъекта («вредителя» или, скорее сакрального «козла отпущения») за каждой социальной проблемой.

Политическая жизнь превращается в постоянный круговорот беспредельной «воли» «смутных времен» и произвола деспотического порядка. В периоды краха устоявшейся системы формальных институтов политическая система «оттаивает» и внезапно перескакивает в новое равновесное состояние, характеризующееся новым сочетанием насильственно внедряемых идеологических ценностей.

Поскольку по мере уничтожения явных «врагов» жизнь не налаживается, все активнее начинается поиск «оборотней» в рядах представителей власти. Политическая жизнь как власти, так и оппозиции все более начинает представляться как увлекательная череда заговоров и контр-заговоров, стоящих за всеми политическими переменами. В результате, до необыкновенных высот может пойти искусство «византийской политики» и обслуживающей ее «византийской политологии»: тайн, слухов, интриг, заговоров, подкупа, убийств, закулисных соглашений и предательств. Причем речь идет не только и не столько об объективной реальности (быть может, в реальности политика в России отнюдь не такая грязная), сколько о том, как эта реальность отражается в восприятии. **В той специфической политической экспертизе, в которой нуждается харизматическая власть, академическая политология не компетентна.** Поэтому она и проигрывает в борьбе за важные экспертные позиции.

Чего может хотеть общество от политологов в такой ситуации? Конечно, *рецептов квазирелигиозного спасения, основанных на каких-то морально-идеологических ценностях.* Академическая политология давать такие рецепты не должна по своей структуре. Поэтому она и проигрывает борьбу за популярность журналистам, литераторам и идеологам, размышляющим на политические темы.

Политические эксперты и власть

Спецификой России является то, что она представляет собой одну из стран «подражательной модернизации». Русская интеллигенция заимствует с Запада способы понимания собственного общества. Соответствующие интеллектуальные конструкции теряют свой исходный социальный контекст и мифологизируются. В связи с этим возникает традиционная саморефлексия интеллигенции как страдающей по причине отрыва от социальной реальности и из-за догматического западничества. Причем все эти характеристики свойственны как осознающим их «западникам»-«модернизаторам», так и, зачастую, не осознающим их «славянофилам»-«самобытникам». Последние также воспринимают Запад как способ самоопределения России (например, в рамках модели «противостояния» Западу или «спасения» Запада).

В то же время властные структуры превращаются в механизмы преобразования социальной реальности на основе различного рода заимствованных и потерявших свой социальный контекст западных институтов. Последние преобразуются не в способы упорядочения *уже существующих* моделей социального поведения (имеющих своих реальных социальных носителей), а в искусственно имплантированные модернизаторским государством учреждения. При этом реальные социальные институты могут зачастую радикально не совпадать с государственными учреждениями. Так Интеллигенция — творец социально-политических утопий, сталкивается с Властью, ее осуществляющей.

Это взаимодействие проходит целый ряд этапов. Интересующийся политикой интеллигент XIX — начала XX в. воспринимает себя через конкуренцию с властью и прямое обращение к народу, а советская и постсоветская интеллигенция определяет себя преимущественно через реальное или воображаемое взаимодействие с государственной властью. В принципе, это можно понять как стадию процесса специализации

политической мысли. **Интеллигент-святой спаситель мира превращается постепенно в интеллигента-эксперта при властных структурах.**

Власть, в свою очередь, сначала «не замечает» интеллигенцию (досоветский период), затем пытается ее нейтрализовать и поставить на службу, путем репрессий или подкупа (советский период). Наконец, в постсоветский период интеллигенты, претендующие на роль политических экспертов, сами ведут между собой борьбу за близость к власти.

Функцией экспертов оказываются, прежде всего, политические технологии, а не знания об обществе. Эти специфические технологии могут включать в себя организацию провокаций, проведение тайных информационных и пропагандистских операций. Таким образом, многие чисто экспертные в западном понимании (связанные со знанием об «объективных закономерностях» общественно-политической жизни, с научным обеспечением проводимой властями политики) функции российских политологов практически не востребуются. Более того, здесь может наблюдаться некоторый регресс даже по сравнению с советским периодом (разумеется, нельзя сбрасывать со счетов здесь всю специфику форм и содержания социально-политических наук в социалистическом государстве).

Положение политической науки оказывается даже более плачевным, чем положение ряда других общественных наук. Здесь можно сопоставить положение экспертов-политологов с экспертами-экономистами (в меньшей степени, юристами и социологами). Последние в значительно большей мере востребованы властями и обществом как носители «объективного знания» о реальных закономерностях жизни общества.

Политические идеологи и повседневная жизнь общества

Какое отношение имеют проекты преобразования реальности, создаваемые политическими идеологами к повседневной жизни общества? Между ними существует очень сильный разрыв. Этот разрыв можно приписать сразу трем обстоятельствам.

Во-первых, **политика и политическое знание в российской культуре еще не отделились от идеологии и морали.** А последние, в принципе, интересуются не столько реальностью, сколько тем, как ее преобразовать в соответствии с какими-либо ценностями.

Во-вторых, подражательная модернизация по-российски весьма специфична. **Государство в нашей стране постоянно изменяет все формальные институты.** В результате этого реальные общественные практики просто полностью перестают им соответствовать, приспособляясь лишь внешне там, куда достигает государственный контроль. При этом обращение государства к научному сообществу формулируется отнюдь не в виде вопроса: что же происходит на самом деле? Оно принимает форму: что нужно изменить?

В-третьих, **отрыв от реальности российской политической мысли тесно связан с ее традицией механически заимствовать западные теории, включая их в существенно отличные социальные и культурные контексты.**

В результате сильного отчуждения научных и идеологических смыслов от смыслов повседневной реальности возникает проблема социальной *маргинальности* российской социально-политической мысли в целом. Ее влияние на общество (например, через систему образования, взаимодействие науки и средств массовых коммуникаций, через

влияние экспертных оценок на поведение людей) оказывается существенно меньшим, чем в странах классической западной традиции.

Отчуждение научно-экспертного знания в России от широкого социального контекста также ведет к широкому распространению различных политтехнологий как способов радикальной перестройки массового политического сознания. В этом **плане положение элиты экспертов-политологов в качестве «наемных технических специалистов» на службе у властей является оборотной стороной потери ими контакта с обществом и социальной реальностью.** В самом деле, бытование политических знаний в форме весьма утопических проектов переустройства повседневной реальности неизбежно провоцирует интеллектуалов идти «на службу» носителям политической власти, которая в России имеет давнюю традицию реализации различных утопий. С другой стороны, власть предрасположена в России традиционно (по крайней мере, со времен триады Уварова) использовать интеллектуалов для идеологического оправдания своей власти (в том числе, в глазах западного общественного мнения) и выработки технологий индоктринации населения.

Вместо заключения: так за что же отвечает пионер?

Жванецкому принадлежит замечательная фраза. «Так кто же у нас за все отвечает? Конечно, пионер. Написано же на плакате: пионер, ты за все в ответе!». Именно это приходит мне в голову, когда я слышу **обвинения** в адрес нашей академической политологии в том, что она, дескать, в какой-то мере отвечает за проблемы, связанные с политической жизнью в стране. Выше я показал, что **российская академическая политическая наука имеет очень малое влияние. Она не понята обществом и не востребована властями.** Она *возникла* в России, и это все, что она могла сделать в столь неблагоприятной ситуации.

Другое дело, что наша политическая наука в силу целого ряда обстоятельств (в том числе, и деятельностью некоторых ее представителей) оказалась связана с целым рядом смежных видов социальных практик. **Специфическая политэкспертиза и политико-идеологическая журналистика пользуются большим влиянием на общество и власти.** Характер их функционирования, в очень большой степени, обусловлен различными долговременными социально-историческими и историко-культурными обстоятельствами. Однако это не снимает с их представителей ответственности за те события, на которые они могут повлиять в ту или иную сторону.